

Культурное достояние как инструмент современной политики

Т. В. Растимешина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Анализируется роль памяти в обосновании легитимности российской государственной власти. В нашей стране власть привержена схеме *уничтожения — производства* историцистских схем прошлого: она использует культурное наследие как часть механизма их конструирования. Автор показывает, что в современной России среда политической социализации насыщена памятниками истории и культуры, благоприятствующими воспроизводству элементов историцистских схем. Сегодня для укрепления легитимности власти особенно актуальны такие элементы, как великодержавная модель истории и образ народной монархии.

Ключевые слова: культурное наследие; легитимность государственной власти; политический кризис; историческая память; реставрация.

Связь политики и культуры не очевидна, однако российской власти культурное наследие много лет служило инструментом легитимации.

В XX в. в Советском Союзе культурная политика сводилась главным образом к обслуживанию историцистских моделей, воспроизводящих актуальные для действующей власти версии прошлого, настоящего и будущего страны, в ее основе лежали текущие политические цели и ведомственные механизмы их реализации. Представители советской номенклатуры уже в постсоветское время откровенно рассказывали о конъюнктурном характере и утилитарных функциях политики в отношении культурного наследия. По их словам, «культурные» послания, объективно содержащиеся в самом культурном наследии, адаптировались к насущным политическим задачам и уровню культурных возможностей политической аудитории.

В прошлом видели источник символов и идей, которые должно было транслировать культурное наследие. Политической аудитории предписывалось прочесть в этих посланиях указание на правильность пути к избранному коммунистической партией и советским правительством светлому будущему. И в XIX, и в XX в. в основе отечественной культурной политики лежали императив историцизма и актуализационные технологии эксплуатации культурного наследия. В новом веке политика в отношении него определяется целями настоящего: легитимировать действующую власть идеями о великом прошлом России.

Единая картина «социалистического прошлого» в стране все же не сложилась, и государство сделало весьма короткую паузу в использовании истории в качестве ресурса борьбы за власть. Отказ от прошлого варианта 1990-х гг. все же подразумевал государственную монополию на интерпретацию истории: в частности, отречение от коммунистической идеологии не предполагало отрицания космополитизма. Напротив, средства массовой информации и государственные лидеры призывали граждан забыть «архаичные национальные идеалы», отказаться от великодержавности и национал-патриотических идиом любого образца.

В начале 2000-х годов государство в течение нескольких лет практиковало всеохватывающие технологии интерпретации памяти. Этот короткий этап можно охарактеризовать как переходный между стадиями «зачистки пространства памяти», забвения и формирования новой историцистской схемы. Яркой иллюстрацией технологичности и неэффективности промежуточного — синтетического — подхода стало решение вопросов о государственном флаге и гимне: в первом государство вступило в коалицию с праволибералами, во втором — с коммунистами. Герб России является воплощением всеохватности: в нем сочетаются трудно синтезируемые элементы и символы.

В целях обеспечения устойчивости политической системы и стабильного воспроизводства власти в 2003 г. в стране началось форсированное конструирование модели великодержавного прошлого [1, с. 5] и формирование политической культуры национал-патриотизма на основе идей о великой России и ее славном прошлом. Ранее, в 1999 г., В. В. Путин (тогда Председатель Правительства РФ) заявил о государственном интересе к возврату России статуса великой державы [2]. По его словам, «для такой сложной, федеративно устроенной, многонациональной и многоконфессиональной страны, как Россия, одним из самых существенных объединяющих факторов должен быть общероссийский патриотизм» [3]. Немаловажно, что при этом он уточнил: «Конечно, одним из его оснований является наша история» [3].

Национальный патриотизм как базисное основание государственной идеологии был артикулирован в Послании Президента России Федеральному собранию в 2007 г.: «...Наша страна только тогда займет достойное положение в мире, мы с вами только тогда сможем сохранить и нашу государственность, и суверенитет, если наши граждане будут видеть, будут чувствовать, будут уверены в том, что все усилия государства направлены на защиту их кровных интересов — на улучшение их жизни, на повышение их благосостояния и их безопасности. И если они смогут гордиться своей страной. Каждый гражданин России должен чувствовать свою причастность с судьбой государства» [4]. Еще в первых синтагмах своего послания Президент РФ отметил роль культурного наследия в восстановлении последовательной политики истории: «...Духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности — это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность. Убежден, общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи — когда у него есть общая система нравственных ориентиров. Когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории. Именно это национальное богатство является базой для укрепления единства и суверенитета страны. Служит основой нашей повседневной жизни, фундаментом экономических и политических отношений» [4].

С 2001 г. одним из приоритетов российского образования стало патриотическое воспитание, которое осуществлялось согласно соответствующей государственной программе [5]. В этой и последующих программах патриотического воспитания историческое и культурное наследие страны объявлены важнейшими средствами воспитания граждан; указывается на необходимость в образовательном процессе опираться «на все то положительное, что дал тысячелетний опыт нашего государства» [6, с. 87].

В начале 2000-х годов государство стало ориентироваться на идею о том, что «распад “империи” явился следствием не только неразумной политики властей. Главная причина — в морально-психологическом надломе русских как государствообразующей нации, в отказе государствообразующего народа от роли хранителя союзной государственности, от значительной части своего народа (с 1991 г. народ разделен границами СНГ) и собственной истории» [7]. Наиболее ярким эпизодом борьбы государства за историю как властный ресурс стала работа Президентской комиссии по борьбе с фальсификациями истории в ущерб интересам России.

Стратегия реализации национал-патриотического возрождения русской нации органично сопровождается восстановлением Русской православной церкви и ее активизацией в качестве политического института и ближайшего политического партнера государства [8]. Политическая реактивация Православной церкви призвана всемерно поддерживать идею национального возрождения, основанного на этнонациональном величии и православной самобытности, т. е. модернизированную доктрину «официальной народности». Историческая схема предполагает, что, в идеале, современная российская власть в партнерстве с церковью должна восприниматься гражданами как спаситель России на трудных этапах ее истории и предводитель на пути к ее государственному величию. Ради достижения этой цели в риторике, архитектуре, политике охраны культурного наследия, в элементах государственных ритуалов стали воспроизводиться элементы новой национальной идеи.

Не все в Православной церкви убеждены в необходимости активизации ее участия в политике, однако государство выдвигает весомые аргументы в пользу этого. Так, на встрече с представителями религиозных конфессий России в Свято-Даниловом монастыре 8 февраля 2012 г. Путин подчеркнул, что «задача и обязанность государства не только в том, чтобы возвращать награбленное когда-то у церковных организаций государством, а и в *создании условий для совместной эффективной работы по возрождению и укреплению нашей страны, прежде всего, конечно, в духовно-нравственной сфере, в деле воспитания молодых людей* (курсив мой. — Т. Р.)». Президент также отметил: «*Голос церкви, церковных авторитетов, мудрых наставников и проповедников должен звучать в полную силу*» — и обещал: «Государство, конечно, должно обеспечить и будет к этому стремиться — к обеспечению адекватного отражения в информационном пространстве интересов граждан, которые связывают свое мировоззрение с ценностями православия...» [9].

Между представителями церкви и государства уже достигнут высокий уровень взаимопонимания в отношении перспектив их политического партнерства. В частности, Патриарх выразил ясное видение идеологической нагрузки, возлагаемой государством на церковь: «Период... разброда и шатания закончился: очень многие люди ясно понимают, что сегодня означает тот самый наш культурный код... Формирование этого осознания, наличие культурного кода, передающего из поколения в поколение незыблемые базисные ценности нашего народа, становятся присущи очень значительной части россиян» [9].

Обе стороны отчетливо представляют себе и роль культурных ценностей и объектов наследия в трансляции национально-великодержавной модели прошлого. Все эти тенденции в совокупности образовали условия и причины для актуализации культурного наследия церкви и его применения в технологиях конструирования «культурного кода» русского народа и великодержавной модели памяти и истории.

Большая часть актуализационных технологий культурного наследия нацелена на «декорирование» храмами, иконами и религиозной мифологией великодержавной модели. При этом некоторые объекты, «подходящие» для ее утверждения, возрождаются, а другие, «непригодные», оказываются преданы забвению. Сегодня актуализируются и акцентуируются далеко не все периоды становления русской государственности. Историческая схема, конструируемая с привлечением культурного наследия, избирательна и обрывочна.

Во владении религиозных структур в дореволюционной России находилось значительное количество объектов движимого и недвижимого имущества, в том числе монастыри, соборы, церкви и земли (всего до 1917 г. — 78 тыс. храмов, монастырей и часовен) [10]. К концу 1970-х годов советская политика воинствующего атеизма привела к сокращению числа действующих храмов с почти 80 000 до 6800. Из 1498 действовавших к 1917 г. монастырей сегодня в России осталось лишь 12, а в Московском Кремле — всего 5 храмов. В 20—30-е гг. XX в. один из крупнейших архитектурных ансамблей и символов российской государственности был практически полностью разрушен, уничтожены 19 из 24 храмов. Однако эта страница нашей истории как будто стерта из современного историко-символического дискурса российской государственности и власти, вычеркнута и из истории самого Кремля [11].

Новая модель великодержавности, как и в XIX в., «ориентирована на вечное наследие, не тронутое историческими изменениями» [12, с. 238], а посему в ней нет места сведениям о репрессиях и вандализме.

Сохранившимся памятникам-символам Московского Кремля отводится роль немаловажных атрибутов конструируемой исторической схемы-модели государственности. Легитимация власти последних российских монархов была тесно связана с кремлевскими церемониями венчания на царство. Современные церемонии инаугурации, с 2000 г. проходящие на фоне соборов и дворцов Кремля, демонстрируют преемственность государства Московской Руси, восстанавливая историческую модель национального государства — от национального прошлого к настоящему и будущему. Символический потенциал Москвы и Кремля призван свидетельствовать, что, подобно тому как писали в конце XIX в. («в России царь и народ составляют одно крепкое единодушное целое» [13, с. 102]), в новом веке неразделимы государство и Русская православная церковь. Патриарх благословляет президента, вступающего в должность, на служение Отечеству, и Путин присутствовал на таких молебнах уже трижды [14].

Церемония инаугурации президента проходит в Большом Кремлевском дворце. Там избранный президент получает от сложившего полномочия предшественника президентский знак, напутствие, потом приносит присягу и обращается к народу, обещая работать на благо Родины. Один из ключевых моментов инаугурации — приход народного избранника по парадным залам под аплодисменты двух тысяч приглашенных. Именно Кремлевский дворец, после освящения его стен, являет собой воплощение связи национальной, исконно русской формы власти и ее принадлежности Европе.

Повторяемость ситуаций и образов интерпретируется как надежность, стабильность и гармония. Проекция настоящего на прошлое протраивается таким образом, чтобы образ нынешней власти в достаточной степени соответствовал проверенным на прочность и эффективность моделям власти прежних эпох.

Символические «послания» культурного наследия доносят до управляемых идеи и смыслы идеальной (необходимой, обоснованной, богоданной и т. д.) власти в России, конструирующие «идеальную модель» правления. Обществу предъявляются только те объекты наследия, в которых эти символы сконцентрированы в максимальной степени — иные же объекты или связанные с ними идеи и ситуации выводятся за пределы властного дискурса во избежание рисков (прежде всего понимания обществом несоответствия власти символическим кодам историцистской схемы). Важнейшим компонентом политики памяти в России является вытеснение, забывание. Следовательно, гражданам надлежит забыть о трагических страницах истории РПЦ, о массовом терроре в отношении священнослужителей, об утрате церковью в начале XX в. (по воле государственных вождей) своего институционального статуса и имущественного положения, о поругании храмов и икон, и «помнить» лишь страницы величия и побед, ассоциируя нынешние образы власти исключительно с ними.

Избирательность в подходах государства к охране и эксплуатации культурного наследия церкви заметна даже в столице России, а в региональных центрах, малых городах и других населенных пунктах обозначается еще явственнее. Центральные храмы и монастырские архитектурные ансамбли в последние десять лет силами государства и церкви были превращены в туристически привлекательные объекты: отреставрированные сооружения создают праздничное впечатление и иллюзию «подлинной старины», не подвергавшейся разрушению и поруганию. Однако за пределами посещаемых туристами и официальными делегациями кремлей и «исторических центров» остаются десятки и сотни полностью и частично разрушенных и заброшенных храмов, монастырей и других объектов культурного наследия церкви. Они находятся вне зоны интересов государства, поэтому после восстановления РПЦ в правах на сотни и тысячи исторически и культурно значимых объектов задачи их ремонта, реставрации и поддержания в должном виде стали непосильным обременением для епархий и приходов.

Политический историцизм отражается не только на степени заботы о различных памятниках культурного наследия. Он определяет и специфику российских подходов к реставрации памятников культуры: ориентацию (в отличие от западных) не на «консервацию», а на «воссоздание» разрушенного и утерянного. Международные принципы реставрации, кодифицированные Венецианской хартией 1964 г., основным способом обращения с памятником утверждают консервацию: «Реставрация должна являться исключительной мерой. Ее цель — сохранение и выявление эстетических и исторических ценностей памятника. Она основывается на уважении подлинности материала и достоверности документов» [15, с. 276]. Реставрация «предусматривает глубокое вмешательство в подлинную ткань памятника, влечет за собой элементы воссоздания и уносит частицу подлинности» [16, с. 12].

Однако российские реставраторы, как правило, руководствуются утилитарно-прагматическим подходом к культуре: «Культура подобно живому организму сама заживляет свои раны, а произведения древности восстанавливаются не как документы истории, но как носители актуальных значений с актуальными функциями» [17, с. 212]. Сохранение и восстановление памятников культурного наследия детерминируются не столько пониманием их исторической или художественной

значимости, сколько интересами политического, религиозного или чисто прагматического характера (причем эти же интересы становились причиной и обратных действий — уничтожения памятников).

Специфика российской политики памяти, ориентация на модель *разрушения* — *конструирования* истории определяет специфику отечественных подходов к реставрации, где на первом плане всегда стояли проблемы не сохранения художественного наследия, а восстановления памятников, поднятия из руин целых ансамблей. Однако заметим, что «воссоздающая» реставрация в Советском Союзе и современной России не является альтернативой консервации. Причиной тому — три войны, политика воинствующего атеизма и стихийные бедствия, приведшие к полному разрушению десятков и сотен тысяч памятников. В основу государственных подходов к реставрационным работам был заложен принцип, согласно которому воссоздающая реставрация, конструирование — это единственный адекватный ответ на угрозу полной утраты национального достояния и памяти о национальной истории. Еще в 50-е годы XX в. государственная пропаганда прочно внушила обществу представление о воссоздающей реставрации как об акте национального духовного возрождения. В тот период не только в России, но и в других европейских странах, культурное наследие которых пострадало во время Второй мировой войны, патриотический энтузиазм и чувство национальной гордости стали главным импульсом восстановления из руин храмов, замков, дворцовых ансамблей, целых городов. Средства массовой информации не только Советского Союза, но и других государств, увлеченных возрождением красоты и былого величия, называли результаты реставрации чудом, а реставраторов волшебниками. Вместе с тем послевоенные принципы очень скоро подверглись в западных странах справедливой критике. Так, польский исследователь Ержи Кубяк в своей статье 1946 г. полемизировал по поводу восстановления зданий Старой Варшавы: «У нас становится все больше и больше памятников, но все меньше и меньше подлинных творений» (цит. по: [17, с. 218]). И уже в 1960-е гг. в Европе возобладал консервационный подход, принципы которого были закреплены в названной выше Венецианской хартии реставраторов и других документах. Знаменитым стало положение Венецианской хартии о том, что «реставрация должна прекращаться там, где начинается гипотеза» [15, с. 276].

Преференция воссоздающего метода политически обусловлена. Вторжение в живую ткань художественного произведения, воссоздание его облика на основе современных представлений о должном и предпочтительном является не чем иным, как интервенцией в историю, память, конструированием актуальной схемы памяти на предварительно зачищенной площадке. В России с ее политическим историзмом не только не приживается подход к реставрации «без разрушения всех следов движения произведения искусства во времени» [17, с. 224], но, напротив, все последние десятилетия одной из актуальных задач реставрации остается именно создание *другой*, искусственной (по сути, не соответствующей истинной истории) картины хронологического пути объектов наследия, а следовательно, и другой картины самого времени. Причем принцип «где было, как было» в России зачастую применяют не слишком критически, поэтому «восстановленные» древние храмы Новгорода, Москвы, Углича, реконструированные иконы и фрески Спасо-Мирожского монастыря в Пскове и другие отреставрированные объекты не производят впечатления подлинности. За их внешним обликом, не имеющим содержательной

глубины, не скрывается не только драматизм и трагизм истории России, но и какая-либо история вообще. В этом отношении реставрация служит модели *зачистки* — *воссоздания* истории.

Таким образом, и в теории реставрации, и в практических действиях реставраторов проявляется политика конструирования истории, что вызывает тревогу о значении подлинности исторических памятников. Государство предлагает рассматривать вновь отстроенный храм Христа Спасителя в Москве как подлинный памятник истории и архитектуры, символ возрождения общества и государства. Однако, на наш взгляд, до тех пор, пока в политике истории доминируют схемы *разрушения* — *конструирования*, а в реставрации — практика *воссоздания*, в России будет преобладать тенденция к утрате подлинности и истинности. Память о прошлом не станет явлением объективным и самостоятельным, но будет являть собой плоскую схему, декорированную «памятниками» истории, находящимися в стадии разрушения — восстановления, соответствующей не подлинной истории, а конструируемой схеме, в которой удобным для элиты образом настоящее соотносится с прошлым, забвение с вымыслом, а инновации с традициями.

Литература

1. **Сергеев С. М.** Русский национализм и империализм начала XX века // *Нация и империя в русской мысли начала XX века* / Сост. С. М. Сергеев, А. В. Ломоносов. М.: Скимень: Пренса, 2004. С. 5—20.
2. **Левин К.** Национальная идея Путина // *Коммерсантъ*. 1999. 24 декабря (№ 239). С. 1.
3. **Путин В. В.** Заключительное слово на совещании по проблемам развития малых городов России. 17 июля 2003 г., Старая Ладога // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/22059> (дата обращения: 09.11.2014).
4. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России Владимира Путина // *Российская газета* [Онлайн-версия]. 2007. 27 апреля (№ 353). URL: <http://www.rg.ru/2007/04/27/poslanie.html> (дата обращения: 09.11.2014).
5. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001—2005 годы»: утв. постановлением Правительства РФ от 16.02.2001 № 122 // ГАРАНТ: Информационно-правовой портал. URL: <http://iv.garant.ru/document?id=1484972&byPara=1&sub=9> (дата обращения: 09.11.2014).
6. **Моисеев Н. Н.** С мыслями о будущем России. М.: Фонд содействия развитию соц. и полит. наук, 1997. 210 с.
7. **Вдовин А. И.** Русский взгляд на новейшую отечественную историю: Об изучении и преподавании с позиций национально-государственного патриотизма // RUSSKIE.ORG: Сетевой центр русского зарубежья [Электронный ресурс]. 2010. 25 марта. URL: <http://www.russkie.org/index.php?id=18247&module=fullitem> (дата обращения: 09.11.2014).
8. Проблемы методологии отечественной истории и культурологии: мат-лы конф. «Науч. мировоззрение и перспективы его развития». М.: Изд-во Моск. гос. ун-та леса, 2009. 273 с.
9. Владимир Путин встретился в Свято-Даниловом монастыре с представителями религиозных конфессий России 8 февраля 2012 г.: Стенограмма // Владимир Путин. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://putin2012.ru/events/216> (дата обращения: 09.11.2014).
10. **Архипов А.** Апофеоз бессмыслицы: Никакой реституции собственности РПЦ не происходит, да и не может происходить // *Частный Корреспондент* [Электронный ресурс]. 8 мая. URL: http://www.chaskor.ru/article/apofeo_bessmyslitsy_6139 (дата обращения: 09.11.2014).
11. Музеи Московского Кремля // ФГУК Государственный историко-культурный музей-заповедник Московский Кремль: Официальный сайт. URL: <http://www.kreml.ru/ru/museums-moscow-kremlin/> (дата обращения: 09.11.2014).
12. **Вортман Р.** «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // *РОССИЯ = RUSSIA*. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII — начало XX века. М.: ОГИ, 1999. С. 233—244.

13. Всемирная иллюстрация. Т. 26. № 6 (656). СПб.: Тип. Г. Д. Гоппе, 1881.
14. Путин вместе с супругой пришел на молебен в Благовещенский собор Кремля / Интерфакс // Газета.Ru [Интернет-медиа]. 2012. 7 мая. 13:12. URL: http://www.gazeta.ru/politics/news/2012/05/07/n_2331637.shtml (дата обращения: 09.11.2014).
15. Международно-правовые документы по вопросам культуры / Сост. А. С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 1996. 388 с.
16. **Плоткин К. М.** Современные подходы к реставрации объектов культурного наследия Санкт-Петербурга // Бюллетень ИИМК РАН. Вып. 2. СПб.: ЭлекСис, 2011. С. 11—14.
17. **Бобров Ю. Г.** Теория реставрации памятников искусства: закономерности и противоречия. М.: Эдсмит, 2004. 303 с.

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, профессор, начальник Управления профориентационной работы и довузовской подготовки МИЭТа.
E-mail: v1-bit@yandex.ru